

6. GARF – F. A-482. – Inv. 35. – Case 290. – Sheet 15 f.v.
7. GARF – F. A-482. – Inv. 35. – Case 290. – Sheet 16 f.v.
8. GARF – F. A-482. – Inv. 35. – Case 290. – Sheet 16.
9. GARF – F. A-482. – Inv. 35. – Case 290. – Sheet 2.
10. GARF – F. A-482. – Inv. 35. – Case 290. – Sheet 23.
11. GARF – F. A-482. – Inv. 35. – Case 290. – Sheet 25.
12. GARF – F. A-482. – Inv. 35. – Case 290. – Sheet 26.
13. GARF – F. A-482. – Inv. 35. – Case 290. – Sheet 4.
14. GARF – F. A-482. – Inv. 35. – Case 290. – Sheet 5.
15. Ioffe A.E. International contacts of the Soviet science, engineering and culture in 1917–1932. – М.: «Nauka», 1975. – 429 p.
16. Luzyanin A.V. Afghanistan in the eastern policy of Russia / USSR in 1919–1939 // Collection of scientific articles of the international conference «Lomonosov's Reading in Altai». – Barnaul: PH of the Altai State University, 2013. – Part 4. – 428 p.
17. Luzyanin A.V. Image and style of the USSR foreign policy on Afghanistan in 1919–1939 // Theory and Practice of Social Development. – 2010. – № 5. – P. 75–77.
18. Luzyanin A.V. Policy of Russia, USSR and Germany in Afghanistan in 1919–1939: rivalry or compromise? // Bulletin of the Altai State University. – 2013. – № 4 (80). – P. 71–75.
19. Masson V.M., Romodin V.A. History of Afghanistan. Vol 2. Afghanistan in modern times. – М.: «Nauka», 1965. – 551 p.
20. Afghan cholera epidemics in the 1930s and 1940s // Encyclopedia of plague and pestilence: from ancient times to the present. George Childs Kohn, editor. 3rd ed. – New York, 2008. – 518 p.

Координаты для связи с авторами: Башкуев Всеволод Юрьевич – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, тел. +7-908-596-95-13, e-mail: vbashkuev@gmail.com.

<http://dx.doi.org/10.35177/1994-5191-2021-3-82-85>

УДК 94(571.5)

С.Б. Мягашева

ПРОТИВОЭПИДЕМИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ В БОРЬБЕ С ЧУМОЙ

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
670047, ул. Сахьяновой, 8, тел. 8-(3012)-43-35, e-mail: imbt@imbt.ru, г. Улан-Удэ*

Резюме

Статья посвящена изучению противоэпидемических традиций монгольских народов. Показано, одним из хорошо известных монголам смертельно опасных заболеваний являлась чума, в борьбе с которой были выработаны меры предотвращения массовых эпидемий. В силу наблюдательности монголов, путем накопления практического опыта у аратов были сформированы правила карантина, мероприятия по борьбе с эпизоотиями и эпидемическими вспышками.

Ключевые слова: здравоохранение МНР, эпидемия, карантин, эмчи-лама, заразные болезни.

S.B. Miyagasheva

ANTI-EPIDEMIC TRADITIONS OF THE MONGOLIAN PEOPLES IN THE FIGHT AGAINST PLAGUE

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Ulan-Ude

Abstract

The article is devoted to the study of medical knowledge about the plague virus and anti-epidemic traditions of the Mongolian peoples. It is shown that one of the well-known deadly diseases of the Mongols was plague, in the fight against which measures were developed to prevent mass epidemics. Due to the observation of the Mongols, by accumulating practical experience, the nomads formed quarantine rules, measures to combat epizootics and epidemic outbreaks.

Key words: health care of the MNR, epidemic, quarantine, emchi-lama, infectious diseases.

Медицинские знания монгольских народов базировались на обширном комплексе религиозно-мифологических представлений, исходящих от шаманских практик народной медицины и буддийской врачебной науки, отражающих причины и условия возникновения инфекционных заболеваний. В традиционном мировоззрении монголов чума, также как и ряд других тяжелых эпидемических заболеваний, считалась карой вредоносных небожителей, духов и демонов. Например, в шаманской мифологии бурят существовал дух-хозяин чумы, который представлялся чудовищем Мила, имевшим на голове бесчисленное, как звезды, количество глаз [7, с. 90]. По легендам он

имел несколько дочерей, которые также свирепствовали, вызывая эпидемии чумы у людей и животных [10, с. 37]. В тибетской медицине «ответственными» за возникновение чумной заразы считались гневные женские божества мамо. Согласно мифологическим представлениям они носили сумки, полные болезнетворных микробов и распространяли чуму и различные эпидемии [12, с. 57]. Значительная роль в борьбе с недугом отводилась магическим обрядам. Однако, не смотря на мистификацию, монгольские народы владели вполне рациональными практическими и теоретическими медицинскими знаниями о чумной заразе.

Результаты и обсуждение

Появление чумы преимущественно связывалось с заражением от сурков тарбаганов, в большом количестве водившихся в монгольских степях, поэтому кочевники называли чуму тарбаганьей болезнью или тарбаганьей чумой. Буддийские эмчи-ламы называли ее «нян-хара-убучин» (досл. «черная заразная болезнь»), где значение черного цвета описывает чуму как «черную смерть», так как тела умерших быстро чернели. Немаловажно, что тибетской медицине было известно влияние заразы, инфекции («нян» – монг., «рим» – тиб.) в качестве главных причин эпидемических заболеваний.¹ Также тибетские врачи называли чуму «червяковая черная болезнь». Считалось, что особые червячки² живут в норах грызунов, а также на корневищах растения *хун-убусун* (букв. «человек трава»), которым питались тарбаганы и сурки, и заболев, передавали заразу людям [9, с. 112].

в природе, находят себе подтверждение в научных данных по эпидемиологии чумы [9, с. 113].

В качестве целебного средства против чумы эмчи-ламы предлагали различные лечебные порошки «задачки», употребление которых рекомендовалось проводить в определенном месте и сопровождалось с процессом молитв и обрядов. Наиболее часто лекари выписывали прием чеснока, смешанного с купоросом, смесь которых необходимо было понюхать на заре, притом обязательно правой ноздрей [11, с. 82]. Из рациональных мер профилактики следует упомянуть некоторые буддийские религиозные правила, среди которых был запрет на употребление в пищу мяса тарбаганов и табу на посещение храма в шубе из шкур этого животного [3, с. 21].

Существовало множество версий путей инфицирования, например, А.Л. Берлин, тесно общавшийся с тибетскими эмчи-ламами, записал версию о том, что во время зимней спячки тарбаганов хорек, источник чумы, сам от нее не погибающий, проникает в нору тарбагана и кусает хозяина. Всю зиму яд спит вместе с тарбаганом в его теле. Весной укушенный тарбаган просыпается и выходит из норы. Когда он слышит первый гром, яд оживает в его теле, и начинает действовать³. Монголы верили, что от зараженного подобным образом тарбагана болезнь передается, если человек ненароком услышит его голос [8, с. 72]. Дополнительно в народном фольклоре существует представление о том, что человек может заразиться чумой через свою тень, упавшую на больного тарбагана и даже через его запах. Также монголы верили, что достаточно прикоснуться к больному тарбагану палкой или даже взглянуть на него, чтобы заразиться данной смертельной болезнью [5, с. 230]. Подобные представления о тарбагане и его норе, как хранителях чумного вируса

В традиционной культуре монгольских народов были выработаны эмпирические знания, направленные на профилактику и предотвращение чумной заразы. Симптомы больного тарбагана были хорошо известны охотникам-бурятам. Буряты охотились на них только с применением ружья и стреляли в тарбагана только в том случае, если он вел себя как здоровый⁴. Охотники тщательно осматривали тушки убитых тарбаганов, делали разрезы в паху, чтобы удостовериться в отсутствии увеличенных лимфатических желез (бубонов) и также на лапках, чтобы не было застойной темной крови [9, с. 111].

Дополнительно кочевники мониторили места, где был мор тарбаганов, проверяли, нет ли там новых заболеваний среди зверьков. Если только вышедшие из нор весной тарбаганы казались здоровыми и не заболели до начала лета, то они решались явиться в эту местность со своим скотом, в противном случае они вплоть до осени не посещали подобной неблагополучной местности [9, с. 112]. Также в целях предотвращения эпидемии, буряты закапывали трупы павших тарбаганов в землю, при этом стараясь избегать приближаться к совершенно свежему трупу, чтобы не заразиться через блох [4, с. 77].

Монгольские народы, хорошо знакомые с последствиями чумного заболевания, принимали всевозможные меры к ограничению распространения болезни. В момент чумной вспышки они прибегали к следующим радикальным мерам: общение с неблагопо-

¹ «Рим» (букв. «зараза») – заразное начало, инфекция, под которым обычно представляется лихорадочное состояние пациента, вызванное болезнетворными агентами [1, с. 87].

² В тибетской медицине причиной инфекционных заболеваний считались невидимые глазу черви, называемых «срин» («срин-бу»). Считалось, что они выделялись больными пациентами посредством «испарения» болезни (через пот, дыхание, слюну, мочу, кал и т.д.) и вызывали расстройство внутренних физиологических систем рлунг, мхрис и бад-кан [там же].

³ Монгольский национальный архив. Ф. 22. Оп. 1. Д. 24. Л. 61. Эруулийг хамгаалах яамны орон тоо, тарваган тахлыг эсэргууцэх ажлын заавар. 1932 г. 179 л.

⁴ Больной чумой тарбаган бывает вял, обладает неуверенной, пьяной походкой, не становится на задние лапки и не лает.

лучными юртами немедленно прекращалось, зачумленную юрту окружали кордоном либо вывешивали черный флажок возле жилища, который означал, что к нему нельзя приближаться. Юрту сторожили до тех пор, пока из нее идет дым; как только дым прекращался, что означало то, что все обитатели юрты погибли от заражения чумой, монголы обкладывали юрту топливом и сжигали ее со всем ее содержимым. Редко встречались случаи, когда юрты, зараженные чумой, оставались, и трупы, находящиеся в них, подвергались гниению. Лишь выждав длительный срок в 7-8 месяцев, кочевники входили в них [9, с. 112].

Монголы хорошо понимали, что заразные болезни можно вдохнуть с воздухом – считалось, что смертельная болезнь незаметно проникает через нос [10, с. 30]. Дополнительно в качестве противоэпидемических мер ламы смазывали рот и нос ароматическими маслами, а араты, опасаясь заражения инфекцией, разговаривали с большими на дальнем расстоянии, крича по ветру, или общались с помощью стрел [2, с. 407]. В случае заражения инфекционными болезнями кочевники устанавливали возле юрты предостерегательные знаки: втыкали копьё, которое обвивали черным войлоком [10, с. 42], либо протягивали волосяную веревку, представлявшую собой своеобразную магическую загородку или ловушку от болезней. Также оставляли возле входа большой чугунный котел вверх дном, и если кто-то при-

ходил по неотложному делу, то, не заходя в юрту, звал хозяев, стуча по чугунному котлу [6, с. 104-105].

Монгольские народы были беспомощны при вспышках эпидемий заразных болезней. Плохие санитарно-гигиенические условия жизни, отсутствие рациональной медицинской помощи приводили к распространению губительных для жителей Монголии заболеваний. Их лечение сводилось к разнообразным магическим приемам, практиковавшимся шаманами, целителями, эмчи-ламами, но не имевшим оздоровительного эффекта. Тем не менее, в силу наблюдательности кочевников, эмпирическим путем накопления опыта у монголов были выработаны правила карантинных мероприятий и верные противоэпидемические меры.

Монгольские народы не воспринимали чуму злоеющей болезнью, поскольку она объяснялась в качестве возмездия за грехи больного. Подобное отношение, вероятно, сложилось в виду своеобразного течения заражения чумой в условиях МНР, где громадные пустынные пространства служили эффективным барьером на пути ее распространения. В результате гибельная зараза проходила, унося несколько семей, и вспышка эпидемии чумы здесь же угасала, не получив массового распространения.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00031).

Литература

1. Базарон Э.Г. Очерки тибетской медицины. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1984. – 176 с.
2. Башкуев В.Ю. Вклад русских врачей в изучение тарбаганьей чумы в Забайкалье и Монголии (конец 1880-х-1910) // Иркутский историко-экономический ежегодник. – Иркутск, 2018. – С. 402-410.
3. Голубинский Е.П., Жовтый И.Ф., Лемешева Л.Б. О чуме в Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1987. – 244 с.
4. Жинкин В.Н. О чуме в Забайкалье и Бурят-Монгольской Республике // Жизнь Бурятии. – Верхнеудинск, 1926. – Вып. 4-6. – С. 68-76.
5. Ибрагимов М. А., Дэмбэрэл Б. Очерки по истории развития здравоохранения Монгольской народной республики. – М.: Медицина, 1977. – 264 с.
6. Лхагвасурэн И. Алтайские урянхайцы. Историко-этнографические очерки (кон. XIX – нач. XX в.). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. – 178 с.

7. Нацов Г.-Д. Материалы по истории и культуре бурят. Ч. I. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. – 156 с.
8. «Онцар гадон дэр дзод» – тибетский медицинский трактат [под ред. Р. Е. Пубаева]. – Новосибирск: Наука, 1989. – 161 с.
9. Скородумов А.М. Чума в Забайкалье и легенды о тарбагане // Жизнь Бурятии. – Верхнеудинск, 1926. – Вып. 4-6. – С. 111-113.
10. Содномпилова М.М. Между медициной и магией: практики народной медицины в культуре монгольских народов (XVII-XIX вв.). – М.: Наука – Вост. лит., 2019. – 206 с.
11. Немой А.С. Советские медики в Монгольской Народной Республике. – М.: Медицина, 1978. – 120 с.
12. Simmer-Brown J. Dakini's Warm Breath. – London, 2001. – 432 с.

Literature

1. Bazaron E.G. Essays of Tibetan medicine. – Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House, 1984. – 176 p.
2. Bashkuev V.Yu. The contribution of Russian doctors to the study of the tarbagan plague in Transbaikalia and Mongolia (late 1880s-1910) // Irkutsk Historical and Economic Yearbook. – Irkutsk, 2018. – P. 402-410.
3. Golubinsky E.P., Zhovty I.F., Lemesheva L.B. Concerning the plague in Siberia. – Irkutsk: Irkutsk University Publishing House, 1987. – 244 p.
4. Zhinkin V.N. Concerning the plague in Transbaikalia and the Buryat-Mongolian Republic // Life of Buryatia. – Verkhneudinsk, 1926. – Iss. 4-6. – P. 68-76.

5. Ibragimov M.A., Demberel B. Essays on the history of the development of healthcare in the Mongolian People's Republic. – M.: Medicine, 1977. – 264 p.
6. Lhagvasuren I. Altai uriankhays. Historical and ethnographic essays (late XIX – early XX century). – Ulan-Ude: Publishing House of the BSC SB RAS, 2013. – 178 p.
7. Natsov G.D. Materials on the history and culture of the Buryats. Ch. I. – Ulan-Ude: Publishing House of the BSC SB RAS, 1995. – 156 p.
8. «Ontsar gadon der dzod» – Tibetan medical treatise [Ed. by R. E. Pubaev]. – Novosibirsk: Nauka, 1989. – 161 p.

9. Skorodumov A.M. The plague in Transbaikalia and the legends on tarbagan // Life of Buryatia. – Verkhneudinsk, 1926. – Iss. 4-6. – P. 111-113.
10. Sodnompilova M.M. In between medicine and magic: practices of folk medicine in the culture of the Mongolian peoples (XVII-XIX centuries). – M.: Nauka – East lit., 2019. – 206p.
11. Nemoi A.S. Soviet physicians in the Mongolian People's Republic. – M.: Medicine, 1978. – 120 p.
12. Simmer-Brown J. Dakini's Warm Breath. – London, 2001. – 432 c.

Координаты для связи с авторами: Миягашева Суржана Борисовна – канд. ист. наук, научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, тел. +7-914-847-36-30, e-mail: surjana.miyagasheva@imbt.ru.

